
FOCSKER
ИЩИТЕ ДЖОНИ!
ЛАВОЧНИК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ

Focsker

Ищите Джони! Лавочник, который может

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74923326
Ищите Джони! Лавочник который может:

Аннотация

У Джони не было ни титула, ни золота, ни половины царства в придачу. Попаданец с рваной памятью, без сверхспособностей, золотых гор и сильных союзников оказался в положении, где за каждый медяк нужно бороться. С бандитами, торгашами и другими артефакторами, которые спят и видят, как присвоить чужую идею себе.

Жизнь сложна, мир магии полон своих загадок и таинств, и среди всего этого не самый простой артефактор поставил себе самую простую задачу – открыть собственное дело.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 26
Глава 3 48
Глава 4 66
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Focsker
Ищите Джони!
Лавочник который может

Глава 1

Крепкий сапог уверенно ступал по сухой каменной кладке города Утенбург. Выцвевшие деревянные двухэтажки в предрассветном полумраке нависали над узкой улочкой. Печальная слава ходила об этом месте, о его подворотнях и о том, чего в них можно ожидать. В обычный день я прошёл бы мимо этого города за версту, а то и две. Но сегодня день не обычный – праздничный. Ярмарка приехала в Утенбург, и я вместе с ней.

Петляя вслед за более опытными торговцами, я держался их каравана и охраны. Благодаря этому на въезде в город меня приняли за их компаньона, позволив с первыми солнечными лучами добраться до рыночной площади. Сегодня и завтра крестьяне со всех окрестностей со всеми излишками гурьбой покатят на ярмарку. Еда, строительные материалы, инструменты, одежда, украшения и, конечно же, магические артефакты рассыплются по многочисленным прилавкам, ожидая того, кто сможет их приобрести. Попойки и дра-

ки, выступления выездного цирка и менестрелей – всё это шанс потратить и заработать деньги. Всё это – ярмарка.

Из моих пожитков – мешок с самоделками, рваная одежда да дорожная пыль с песком, забившаяся в ботинки. Кошелёк мой забыл вкус денег, как нищий мог забыть вкус жареного ягнёнка. Ноги болели от мозолей, руки в порезах от ремесла, а голова с момента, как я попал в это тело, ещё ни разу не переставала болеть. И как угораздило-то? Плохо помню своё прошлое, не знаю настоящего, да и будущее моё в тумане. Но мы не сдаёмся.

Несмотря на раннее появление, поиск места для торговли оказался проблемным. Кто-то держал точку для друзей, кто-то для родни, кто-то предлагал купить. Другие, угрожая ножами, слали куда подальше. А я искал, искал и нашёл. Удача или нет – покажет время. А пока я иду к девушке в красном платке, торгующей всякой всячиной с расстеленного на земле плаща.

– Здравствуйте, скажите, здесь свободно? – едва успел я скинуть сумку на камни, как из тени проходившего мимо пухлого мужчины дёрнулась детская ручонка.

Талантливый воришка использовал магию теней, вынудил меня ответить своей магической уловкой. Мальчишка схватился за мешок в области верёвки, дёрнул – и пальцы ловкача, не ожидавшего такой тяжести, соскользнули, сорвались. Меня так уже однажды обворовывали, видать, урок усвоил. Мешок остался на земле, со мной, а умелая рука вернулась в

тень большого дяди. Ловить такого в бандитском Утенбурге себе дороже. Пусть идут.

– Держишь ухо востро, молодец. – Произнесла торговка с длинными чёрными волосами, заплетёнными в клубок на затылке. – А ну-ка, покажь, чем торгуешь?

Пошире открыв мешок, показал содержимое, получил одобрение – мы не конкуренты. Пронесло. Вроде передо мной обыкновенная дама, но нервничаю в такие моменты, будто перед начальником каким стою, ещё и паранойя на фоне последних неудач развилась. Помня прошлый опыт и советы тех, с кем путешествовал до, я разместился так, чтобы иметь возможность спиной опереться на стену. Затем использовал начальную магию стихии земли – и старая брусчатка, зажевавшая мой мешок, словно лишившаяся зубов старая бабка, выплюнула ткань обратно. Пока мешок в пасти земли, его можно разве что порвать, стащить из-под носу не получится.

На старый плащ высыпал скромный ассортимент: перелатанная пара ботинок, выкупленных за копейки у пьяницы, а после отремонтированных; деревянные ложки и вилки с резным узором; тарелки; игрушка в виде деревянной лошадки с всадником; железная спираль для готовки пищи, а с ней несколько вещей, описать предназначение которых потребовала от меня соседка.

– Кавырялка какая, или артефакт?

Она взяла в смуглые руки очень простое устройство. На-

столько простое, что мне сложно сдержать эмоции, когда называют ковырялкой. В этом моя самая большая проблема. Создавая артефакты и предметы из подручного мусора, зная, как их использовать, в чём они могут пригодиться и для чего, я сталкиваюсь с самой большой проблемой – коммуникация. Мне сложно говорить с людьми, талантами к красноречию и обаянию я обделён. Обделён и воспоминаниями: вместо целостной картины – лишь сшитые между собой обрывки чужих мыслей, фраз, незнакомых лиц и образы устройств, которые я как могу воссоздаю при помощи первичной магии. Я не из этого мира, не из теста, из которого вымешаны окружающие. Чужой. Люди вокруг не понимают меня, а я в свою очередь – их. И это главная проблема, коих ещё очень много.

– Пиеза. Это просто. Деревянная ручка из сплетённых прутьев, с деревянной пробкой снизу и сорокасантиметровой железкой внутри. С виду просто, но внутри всё гораздо интереснее. Механизм таков: пробку достал – срабатывает нанесённый на ручку магический круг стихии земли, он запускает ману по проводнику, по железке, на самый кончик. После чего от магии земли, от контакта и передачи маны активируется магия стихии огня, создавая маленький огонёк на конце железки. Благодаря разным стихиям железо никогда не перегреется, не подпалит деревянную ручку, да и прервать работу Пиезы очень просто – нужно поместить пробку либо кусочек чего угодно обратно, что нарушит рисунок нанесённой внутри отверстия для пробки.

– О-о-о… – многозначительно протянула женщина. – Самозагорающаяся свеча?

– Свеча? Нет, это не свечка, но принцип похожий. Скажите, вы поняли, как работает устройство? Правда ведь, всё легко и понятно? – От её вздоха, от пристального взгляда, наполненного пониманием, сердце дрогнуло. Может, это мой человек? Может, хоть она поймёт меня?

– А-а… да, самозагорающаяся свечка из железа и дерева. Только что такое «проводник»?

Нет. Не в этот раз найду я собеседника по разработке артефактов.

– Пиеза – это не свечка. Устройство для розжига костра, камина, камфорки, плиты. Пробку сюда – высвобождается магия огня на конце, вы поджигаете, потом, когда пламя разгорелось, пробку втыкаете, тушите пиезу. Это магическое устройство не боится воды, имеет большой запас на повторную активацию, а ещё…

Меня осенило. А что, если оно упадёт зажжённым на солому и кто-то просто уйдёт? Ой-ой. Устройство требовало доработки.

– Поняла. – кивнула многозначительно дамочка. – Значит, ты у нас артефактор, или перекупил где?

– Сделал из подручных средств.

– Артефактор… – Кивает черноволосая. – Да, тяжко вашему брату нынче. Развелось всякой диковинки, вроде этой твоей Пензы. И много вас стало, да толку.

– Пиезы… – не сдержал смеха. – А толк всегда есть. Камни для высекания искр слишком неудобные, магией огня тоже не каждый владеет. Вот и создал Пиезу. А для тех, кто побогаче или поленивее, у меня есть Походная плита. Готовь где хочешь!

Женщина многозначительно кивает, внимательно следит за тем, как я подкладываю несколько камней под железную спираль, затем подставляю накопитель огненной магии. Достаточно одного соприкосновения – и железо начинает греться.

– Вновь магия огня? – Она глядит на моё творение, ждёт пламени, но его нет: только металл покраснел, да ограничитель на накопителе сработал, чтоб больше нужного жару не давал и железо не поплавил.

Придётся проводить демонстрацию!

Из вещевого мешка достаётся кусок железки, в прошлом – наплечник от лат, ныне – гнутая самодельная сковородка с неровными краями. Поставив ту на спираль, следующим действием из рюкзака вынимаю ингредиенты: сало, завернутое в ткань; лоточек из тонкого, лёгкого и в то же время прочного дерева, обитый частью мягкой шкуры с плаща; затем луковица; травы зелёные, что в здешних местах почти не использовали, но кое-кто в пути мне их дал попробовать. После чего каждый привал я блуждал по округе в поисках этих бесплатных ингредиентов и специй.

Спираль начинает краснеть. На дощечке ножиком режу кусочки сала, кидаю на сковороду и начинаю топить – нужен плавленый жирок. Запах пошёл, всё шкварчит. Удивлённая женщина опускает голову к земле в поисках пламени – но его нет, как нет ни дыма, ни запаха горящего дерева, ни открытого пламени, способного перекинуться на вещи или постройки.

Жир растопился, оставшееся сало с шкурочкой хорошенько подрумянилось. Время продолжать готовить. Открыв самодельный лоток, в котором отдельно друг от друга лежат целые и невредимые яйца, первую парочку аккуратно разбиваю и отправляю к сальцу на сковородку. Местные носили яйца в корзинах либо брали с собой в дорогу варёными. В вещмешках других путников мне не доводилось видеть столь хрупкого провианта, потому я и решил создать этот лёгкий лоток. Возможно, в этом мире и имеются альтернативы, благодаря которым можно хрупкие яйца носить вместе с железом и сковородками, но я пока таких не встречал.

Соседка по точке внимательно следила за моими кулинарными потугами, потому решаю попытаться удивить чуть больше.

Первичной магией ветра тонкими ломтиками рублю репчатый лук, отправляя того вслед за яйцом. Потом – щепотка соли из самодельной сольницы, местные приправы, и в конце – лук зелёный, укропчик и те самые душистые травы, на-

звания которых мне не известны. Запах от яичницы с салом распространился по округе, вызвав косые взгляды проходящих мимо покупателей, торговцев и моей соседки.

– Без огня, дыма, посреди торговой площади. – Она нервно сглотнула, облизнув губы. – А у меня сегодня – сухари да вода… Умеешь ты… умеешь…

Что именно женщина не сказала, я понял. Мне удалось её удивить.

– Ну как вам моё устройство? – копошась в мешке в поисках запасных тарелок, спросил я.

– Необычное, как и ты сам, мил человек. – Ответила торговка, и тут раздалось урчание желудка. Звонкое. Не моего. Гордая барышня не просит, отворачивается, хотя видно, как хочет кусочек. Ножиком делю всё прямо на сковороде. Приготовленное слегка пригорело, создав приятную поджарочку. Часть оставляю прямо на сковородке, вторую порцию, положив на деревянную тарелку, протягиваю соседке.

– Берите. Половина вам.

Предложение для незнакомки оказалось внезапным и желанным. Набор свежих ингредиентов, чистая посуда, приятный запах специй и предвкушение лёгкой солёности на языке ещё никого не оставляли равнодушным.

– Сколько я вам должна? Понимаю, демонстрация, труд – всё стоит денег, которых у такой одинокой девушки, как я, нет и никогда не водилось. – Она стрельнула глазками, накренившись вперёд, взяв тарелку, да поправив за ухо чёр-

ную прядь волос, что сползла ей на лоб. Еда в этих местах стоила по-разному, и дело тут не в ингредиентах, а в том, кто её готовил и как преподнёс. В путешествии моём многие так же, как я сейчас, предлагали еду прохожему, а после обеда или ужина внезапно требовали плату, да заламывали высокую цену. И тут уж потом докажи проходившему мимо стражнику или кому из каравана, что ты не знал, что тебя обманули, и за то, что предоставлено бесплатно, требуют платы. Съел – значит плати. Это правило я на своей шкуре однажды усвоил его.

Я задумался. Яйца и сало стоят денег, солью отплатили за помощь с ремонтом одежды, травы собирал в пути, сушил тоже сам, а специи… ой, их-то и специями назвать стыдно, всё местного производства. Потому огласить конечную стоимость продукции оказалось затруднительно.

– Три малые медные – вас устроят? – спросил я.

Она достала половинку большой ломаной медной монеты, цена которой – пять малых. Я потянулся, желая дать сдачу, но женщина придержала мою руку, головой мотая из стороны в сторону и приговаривая:

– Пока оставь у себя. Сейчас мы поедим, потом ты присмотришь за моими вещами, а я похожу по рынку, посмотрю да поспрашиваю своих знакомых, кому можно продать твою Пизу. Медяки – это медяки, но тоже монеты. Конечно, если ты согласен рискнуть этим артефактом, поверив незнакомке.

– Вы уверены? – удивился я. – Вы поймите, я не беспоко-

юсь за Пиезу. Тут скорее рискуете вы, доверяя незнакомцу свои товары.

Она отмахнулась от меня как от назойливой мухи и принялась за еду. Жирно, вкусно, солоновато, с приятным ароматом, ещё и с чистой тарелки, вилкой, на которой неумело выгравирована птица. До этого в пути я готовил для других, используя чужие продукты и костёр, получал похвалу и порцию за бесплатно. Сегодня всё иначе. То, что считал житейской обыденностью, принесло мне деньги. И с монеткой, пусть и медной, крошечной, было ещё и то, что радует меня гораздо сильнее денег. Улыбка на лице незнакомого человека – ей вкусно, результат моих трудов принёс человеку радость. От осознания этого еда в моей тарелке стала вкуснее, а день – немного ярче и теплей.

– А ты точно артефактор? Может, ну эти твои поделки, в повара падёшь? – Подтрунивая или нет, мне вернули тарелку, дамочка в красной бандане, а после, поднявшись, ладошкой хлопнула себя по оттопыренному животику: – Вкусно. Незнакомец, на будущее: все вокруг знают друг друга, знают и меня, потому обокрасть бедную Сандру будет очень глупым решением. Жди здесь.

Угрозу принял как должное, пообещав сделать всё что в моих силах для защиты прилавка. Передал Пиезу, назвав цену в малую серебряную или пять больших медных. Сандра, взяв инструмент, дёрнула пробку, вызвала огонь на кончике, потом обратным движением его убрала. Конструкция про-

ста, да и она не глупа. Пообещала вернуться к заходу солнца, сделала всего три шага в сторону рядов – и тут же растворилась в толпе. Я толком понять не успел, где и среди чего она растворилась, как ко мне через секунд десять подошёл огромный плечистый бугай. Тень его заслонила меня вместе со всеми товарами, широко разложенными на земле. Первая мысль – всё пропало. Вторая, правильная – поднять голову и всмотреться в незнакомое лицо. Солнце слепило, щурясь, кое-как разглядел пухлощёкого верзилу.

Фух… Это был торговец капустой, что с повозкой и дочерью расположился прямо напротив нас.

– Мужик, мы тут слышали, что ты за свою стряпню три медных берёшь. Нам приготовишь? Две порции. Я тебе, как другу, пять медных и полкачана со своего огорода. У меня там есть половинка. Всем качан – за три медных продаю, а тебе, по дружбе, большую половину и за один. Ты не подумай, она хорошая, свежая, вот ток-тока куриная голова об дорогу расколола.

Куриная голова? Это он о дочери полагаю, той, что выглядывала из-за прилавка напротив…

– А листья капусты большие? – спросил я.

Торгаш кивнул. Усмехнувшись, даю добро:

– Неси сюда свою капусту.

Давать людям есть со своей тарелки или тарелки грязной – всё равно что себя не уважать. Как только приготовление блюда дня было завершено, я быстренько делю порции, скла-

дываю по два толстых листа капусты в стопку и осторожно перемещаю содержимое сковороды в эти одноразовые, быстроразлагаемые и полезные для природы и желудка тарелки. Мягкие листья, всё самое нежное, отложил в сторонку, рвал и отдавал исключительно то, что возле твёрдой кочерыжки. Сам не обжёгся. Более того, яичница с салом и луком, обильно приправленная ароматными травами, очень даже симпатично выглядела на этом зелёно-белом подносе. Здоровяк оценил такую подачу, переняв еду, поглядел на свои руки и внезапно рассмеялся, привлекая к нам внимание прохожих:

– Да-а-а! Так свою капусту я ещё не ел. Тебя как звать?

– А… – своего имени я не помню, а в пути как только не называли, и ничто не прижилось. Первое, что пришло в голову, – Джони.

– Я Гурд. Если капуста понадобится, Джони, или полезет кто – дай знать, мы напротив, вступимся за своего. – Говорит здоровяк, а затем, видя, как дочка с кем-то торгуется, вновь забывает язык человеческий и переходит на человекоподобно-медвежий и грубый рёв. Всучив дочке еду, а покупателю капусту, он о чём-то беседует, затем пальцем-сарделькой указывает через улицу прямо на меня.

Мужчина, старый, с большой проплешиной на голове, обгрызенными ногтями, прижимающий маленький качан к рёбрам, идёт ко мне, сходу задаёт главный волнующий его вопрос:

– Это… за три медных, да? Тогда мне тоже яичницу в ка-

пустном листе. – Говорит он быстро, оглядываясь и копошась во внутренней части рваной рубашки.

Ответив тому улыбкой, из-за плеча худого дядьки вижу улыбавшегося напротив торговца капустой и такую же улыбчивую пухлощёкую кудрявую дочурку, машущую мне рукой. Спасибо им. Без дела хоть сидеть не буду!

Остатки от прошлой готовки скидываются в мешочек, чтоб не портить вкус пережаренной, горелой несколько раз пищей. Затем, под удивление покупателя, разливаю из бурдюка немного воды, затем первичной магией воды заставляю прилипнуть к поверхности и ветром начинаю всё это раскручивать, вычищая всю гарь. Далее, выплеснув всё на землю, просушиваю ветром поверхность для жарки и вновь принимаюсь готовить своё новое фирменное блюдо.

Время шло. Гурд то и дело подкидывал мне работёнку, направляя покупавших капусту перекусить, а я то готовил, то ножом и магией ветра ковырялся в деревянном бруске, мастерил гребень. Самый простой, цена которому – медяки, которым мог бы осчастливить одну пухлощёкую особу. Время шло, и как-то незаметно меня вдруг окружили люди. Порция за порцией – пока в лоточке моём не осталось яиц.

– Гурд!.. – Повернув голову за покупателем, внезапно вижу опустевшее место. Исчез. Ни повозки, ни здоровяка, ни его дочки.

– Ну, чего не готовишь? – Сердито, сверху вниз поглядел

на меня усач в весьма добротных одеяниях.

– Ой, тут такое дело, яйца кончились и…

– Тьфу ты… тоже мне! – Чуть нагой не перевернув плиту, словно павлин, распушивший хвост, недовольным уходит от меня покупатель.

Взглядом ищу в толпе хоть кого-то знакомого. Верю в чудо, в бывших компаньонов, попутно разрываясь между желанием подзаработать на готовке и обязанностью присматривать за прилавком. Ни один человек не спросил о моих товарах и товарах старухи, но это не говорит о том, что не найдётся того, кто заберёт с собой оставшийся без присмотра товар. Уже и солнце пряталось за крышами, торговцы складывали свои ряды, закрывали прилавки, увозили на телегах продукцию, освобождая места. А я как сидел, так и продолжил сидеть, глядя, как оранжевый кружок прячется за крышами, нагоняя опасную для здешних мест тень. Чудо ждать… а смысл? Неужели опять обманули? И за что, за ковырялку?

– Может, ну его… – Рукой ударив по области, прятавшей внутренний карман, услышав звон монет, только и смог выдавить из себя печальную улыбку. – И так чудес много. Гурд, эта капуста, готовка принесла больше, чем ремесло, хе-хе… Подумаешь, старуха на Пиезу развела.

Глядя на хлам рядом с собой, разочарованно вздыхаю. Из её набора только старая шпилька да плетёный браслет могут хоть что-то стоить.

– Чего вздыхаешь, мил человек? – Послышался голос той

самой. – Иль обнести честную Сандру удумал?

Женщина смахнула с лба капли пота, улыбалась уставшей, белоснежной улыбкой. Маленький нюанс прятался в двух крайних зубах, но в остальном улыбка была очень даже белой! Довольная, весёлая и от счастья своего будто помолодевшая. В руке Сандра держала небольшую корзинку, полную яиц, что-то завернутое в ткань, а рядом – набор продуктов, таких же, что и у меня для приготовления яичницы. Интересно, и чего она удумала? С трудом встав, выпрямился, хрустя суставами, разминая затекшие от ожидания мышцы.

– Продала? – спросил я, и женщина, подняв руку, между мизинцем и безымянным пальцем показала малую серебряную монету.

– Давай условимся, Джон. Ты ставил цену в малую серебряную, и я приняла её. Без меня у тебя не было бы и этой монеты, а значит, всё остальное – моё. Может, это и грубо, но это цена моих усилий и моего имени. Если твоя Пи-е-за сломается слишком быстро, у меня могут возникнуть проблемы.

«Ох уж эти торговые посредники…» – конечно же, я соглашаюсь. Это честно, а с учётом копеечности материалов и моего приработка с готовки, с Пиезы, я с радостью пойду на уступки. Сам-то в первый день ничего не смог продать, и если эта Сандра сможет помочь в сбыте завтра, то для меня это отличная возможность!

– Согласен. Моя – целый малый серебряный, остальное

твоё.

– Уверен? – Сощурилась она, а после в пальцах её показалось ещё три малых серебряных. Глаз мой нервно дёрнулся – такого я точно не ожидал. Но слово есть слово. Я не стану разбрасываться громкими заявлениями, только хочу узнать:

– Как… кому ты её так дорого впарила?

– Впарила? – усмехнулась женщина, вручив мне в руку обещанную монету. – Хм… С тобой он всё равно дела иметь не станет, не любит пришлых, так что скажу. Есть у нас повар-клоун. Готовит он так себе, но знать любит и платит за его еду дорого, а всё потому, что он умеет красиво и хорошо себя продать. Готовит на открытой кухне, скупает ради представления всякий антиквариат, кухонный хлам, которого нет у других, а после преподносит это как часть выступления, которое богатеи нигде, кроме как на его кухне, не увидят. И сразу скажу: готовит он на огне, открытом, так что эту волшебную спираль ты не сможешь ему В… впарить. – Повторила новое слово женщина.

Кулинария как вид досуга и развлечения для богатых? Нисколько не удивлён. Принял монету, поглядев на корзинку с яйцами, салом и прочей зеленью.

– Может, ты целый золотой смогла выторговать?

Женщина рассмеялась в голос.

– Из золота я сегодня только золотые зубы повара видела.

– А корзинка? Извините, если докучаю вопросами, мне любопытно.

– Купила для лагеря.

– Лагеря? – удивился я. – Здесь есть трущобы, или за пределами стен?

Сандра вздохнула, поглядела на меня как коренной житель смотрит на дотошного приезжего.

– Сегодня в городе разве что в свинарнике со свиньями переночевать дадут, и то за большую медную. Потому ярмарочные торговцы, кто не распродался за первый день, выезжают за город и с рассветом вновь занимают место на торговой площади. – Пояснила женщина. – Улицы ночью опасны. А в лагере каждый друг другу и охранник, и продавец, и покупатель, и рассказчик, и шут. Эти яйца… – она покривила лицом, – часть этих яиц и продуктов я купила тебе в благодарность и в помощь. Видела по глазам: ты слишком честный. Готовишь вкусно, слухи расползаются быстро, думала успеть пораньше, помочь тебе чем смогу. Но этот треклятый повар уж слишком любит поторговаться, всё никак не хотел расставаться со своими деньгами! – Ворчала она.

Я вновь ощутил вину перед этой женщиной. Этот урок о том, насколько важно знать место, в которое ты едешь, его людей, устанавливать связи и думать наперёд, я уже проходил, но никак не мог выучить.

– Спасибо вам огромное. – Как принято в здешних краях, склонил голову.

– Ой, божечки, не позорь мои глаза, подними голову! – Подскочила ко мне женщина, тронув за плечо. – Ненужные

глаза увидят – засмеют, подумают, что дурочка пришлого охомутала.

Смешок прорвался через пелену собственного стыда. Она и вправду могла бы меня охомутать. Подняв голову, только и собираюсь просить, как Сандра говорит:

– Я хотела попросить тебя показать спираль одному моему знакомцу в лагере. Только давай условимся, как и в прошлый раз… Цену её я уже знаю! – Хитро улыбается дамочка. – Понимаешь?

– Я её пока не буду продавать. На ней можно готовить, зарабатывая в городе. Пусть и не много, но – и сыт, и при деньгах. – Говорю я. Благодаря Сандре меня осенило. Это возможность всегда была рядом со мной, но лишь благодаря её помощи мне открылся этот действительно верный вариант. – Давайте лучше сегодня в лагере или завтра на рынке поищем подходящие материалы, и я сделаю новую, больше и лучше! Там ничего сложного: плоская спираль покрывается цепью из магических плетений с двух сторон так, чтобы с одной стороны пламя шло вперёд, а с другой – назад, соединяясь в связующее с накопителем, где магические излишки накапливаются и…

– Хорошо-хорошо, я поняла… – подняла руки, прервала меня женщина.

– Правда? – скептически уточнил я.

– Да, правда, ты сделаешь новую. И ещё, коль мы заговорили об этих твоих артефактах, поделках, работе, скажу: ты

некудышный торговец.

Это я и без неё знал. Только и оставалось, склонив голову, принять это как данность. И только я опустил глаза, как она щёлкнула меня по носу.

– Но это не значит, что ты плохой парень или плохой артефактор! Печка без открытого огня, дыма, гари, копоти, запаха дров – настоящее золотое дно для уличного повара. С такой вещицей и я смогла бы стать такой, как ты сегодня. Изо дня в день готовить, оставаться сытой, да на стряпне своей на других наживаться. Я хотела купить её у тебя, а не кто-то из лагеря. Но большой серебряный – это неподъёмная цена сегодня. Но кто знает, что будет завтра? Останется ли она всё так же неподъёмной? Сегодня тебе повезло встретить добрую и скромную Сандру, а мне – столкнуться с таким щедрым и честным мальчиком, как ты. Мне по духу твоя мягкость, а ты готов довериться такой доброй, красивой, влюблённой в молодой талант тётушке?

– Вы меня смущаете.

Дамочка расхохоталась.

– Дорогой… – Сандра берёт меня под локоток. – Рынок и ярмарка – это не то место, где стоит расхаживать артефактору и особенно рассказывать о том, как устроены его изделия. Ты не должен сидеть здесь, рядом с барахольщиками, у дороги, в тени повозок, везущих нищим наполовину сгнившую репу. Ты должен ходить среди лавок, виться ужом среди мастеров своего ремесла, смотреть, что они творят, что

создают и за сколько продают, а после ставить справедливую цену своему труду. Она слегка толкнула меня на опустевшую улицу, потребовав:

– Смотри, здесь нет магии, только грязь, пропахшая потом людей и лошадей. Так почему человек магических талантов находится здесь?

Сандра подошла ближе, ткнула мне в грудь пальцем, серыми, полными огня глазами поглядела в мои глаза.

– Ты не обязан меня слушаться, но должен хотя бы попробовать стать тем, кто не прячется в тени, а создаёт её. – Спокойно произнесла она, опустив взгляд, направила его в угол, на моё место у стены. – А что в этом мешке? Может, ещё какое тайное сокровище?

Она меня явно переоценивала.

– Отходы. Скорлупа яиц, очистки от лука, огрызки капусты. Я не могу работать в беспорядке, среди мусора. Потому все отходы после работы собираю и выбрасываю за городом или в силосные ямы.

– Что? – Она вновь поглядела на меня, левая бровь женщины нервно дёрнулась. – Выбрасываешь еду? Подожди… То есть тебе они не нужны, я правильно поняла?

Кивнул в ответ.

Сандра во мне разочаровалась ещё сильнее. Из-под плаща достала листок перепачканной бумаги. Прошептав магическое заклинание, заставила тот сложиться в форме журавля и взмыть в воздух. Тихое и быстрое заклинание. «Ма-

гия одушевления предметов…» – Тот, кто обучил меня первичной магии земли, владел подобной силой. Да и после я не раз встречал кукловодов. Хотя каждая новая встреча по-прежнему оставалась своеобразной и удивительной. Кто-то использовал кукол как солдат, как оружие, кто-то – для шоу, а кто-то, как Сандра, – для связи. Уверен, она послала свою марионетку за кем-то, и пока я складывал всё нажитое честным трудом обратно в мешок, показались те самые таинственные друзья.

Кто девочка, кто мальчик – непонятно. Чумазые оборванцы с длинными волосами в половину их роста смотрели на меня с вызовом и угрозой. Один из них держал в руке нож, второй – бумажного журавлика, трепетавшего напитанными магией крыльями.

– Спасибо, что присмотрели за нашими вещами. – Говорит Сандра, хотя я слышу «спасибо, что присмотрели за моими вещами». – Это вам подарок от уважаемого Джона.

Она кинула мешочек с отходами в руки того сорванца, что был без ножа, держался отдалённо от стаи. Маленький вожак с боку стоял и наблюдал, не собирая на себе общего внимания.

– Завтра вечером, под закрытие, после его готовки, вы сможете прийти и забрать отходы бесплатно. Так ведь, торговец Джон?

За весь день я ни разу не назвал ей своего имени, а Сандра его прекрасно знала. Непростая она торговка. И этот ле-

тающий журавлик, люди, знающие её, дети, причём явно из непростых, а числящихся при городских бандах.

Глядя на детей, худых, с звериным взглядом, с оружием, которое, если понадобится, они точно пустят в дело, я решил кое-что добавить:

– Верно. А ещё иногда у меня могут заканчиваться продукты, и мне могут быть нужны помощники. – Взяв из корзины Сандры три яйца, немного лука, магией ветра отрезав кусочек сала, заворачиваю всё в тряпочку. – Пусть это будет моей предоплатой. А завтра каждому из вас в конце дня я приготовлю по яичнице. Хорошо?

На меня, снизу вверх, глядят взглядом не детским, взрослым, грубым, сердитым и угрожающим. Малышня начинает брать в кольцо, под рваной одеждой их то и дело сверкают острые куски железа. Если нападут скопом, увернуться от всех я точно не смогу. Переведя взгляд на маленького вожака, ощущаю реальную опасность, исходящую от этих малолетних, оценивающих меня карих глазок.

Глава 2

Дети не верили. Всё так же, не обращая внимания на Сандру, они таращились на меня с долей ненависти и презрения. Я чувствовал их взгляды – колючие, как щепки под кожей.

– Ну что молчишь, Маркус, устроит такой взнос? – Улыбаясь, спросила Сандра у мальца, стоявшего позади.

– Устроит. – Парень двинулся вперёд странной походкой, позади которой оставался лёгкий след магической тени.

Вот и ты, мальчик-тень. Тот самый воришка, что пытался стащить мой мешок утром. Теперь он стоял передо мной, разглядывая меня так, будто я был не человеком, а странным экспонатом, который следует изучить получше. В его глазах – ни страха, ни уважения. Только холодный расчёт. Сколько ему? Лет двенадцать, не больше. Но взгляд – как у взрослого, причём взрослого с очень плохим жизненным опытом.

Он подошёл ближе. Я не отвёл взгляда, хотя от него и веяло холодом, угрозой. Позволить засранцу себя ударить или оскорбить не дам. Я человек бесконфликтный, но самообороне, пусть и плохо, но обучен. Маркус заглянул в свёрток, понюхал. Затем, не сказав ни слова, развернулся и, будто простой ребёнок, с ребятней вокруг устремился в подворотню. Бумажный журавлик выпал из его рук, взлетел к крышам домов и, приземлившись на каменную кладку, произнёс:

– Уходите из города. Сейчас же. – Голос Маркуса донёсся

из птички, не имевшей рта.

– Дети из гильдии воров, – сказала Сандра тихо, когда их шаги затихли. – Лучшая часть теневой стороны этого города. Нам нужно покинуть Утенбург, пока на улицы не вышла худшая.

Она подхватила свою корзину, поправила платок и приказала:

– Собирайся. Быстро.

Я завязал мешок, поднял с земли бумажного журавлика – на всякий случай – и последовал за ней.

Утенбургские Южные ворота охранялись крайне пренебрежительно. Двое набравшихся вояк коротали досуг у бочки, кидая кости. Третий, тот, что был главным, тряс тех, кто ему не нравился. Едва стоя на ногах, опираясь на копьё, он кричал и угрожал, пальцем свободной руки тыкая в доску розыска:

– Плати, или попутаем, да рёбра пощитаем!

– Эй, старуха! – Когда мы попытались пройти вслед за многочисленной группой, окликнул алкаш.

Мы остановились. Сандра скинула капюшон плаща и обернулась. Стражник сделал к ней шаг, затем ещё один. Прищурился так, будто ослеп от той сивухи, которую пил.

– А, это ты… тьфу. Иди, не создавай толпу!

То ли старый знакомый, то ли связываться с ней не хотел, то ли ещё что. У всех есть свои тайны, и лезть в её жизнь с расспросами я не стану. Прошли – и прошли, а если захочет

поговорить – сама расскажет.

Мы вышли из города в сумерках, по виляющей дороге, на огоньки, звуки музыки и громкие людские голоса у леса. Стоило лишь покинуть Утенбург, как дышать стало в разы легче, приятнее. Усилившийся ветер прогнал тучи, по небу расстелился ковёр из звёзд, на котором разлеглась упитанная, беременная луна. Силуэты людей вдали, у леса, стали отчётливее. Под незамысловатый мотив раздался звонкий и писклявый женский смех, после чего молодая пара из танца резко и внезапно сиганула в кусты. Явно не по грибы и ягоды…

– Сандра! – Как чёрт из табакерки, вынырнул из кустов мужичок с деревянными вилами. Широкий лоб, приплюснутый нос и улыбка, слегка безумная. – Сегодня с нами? Свезло. Сегодня весело.

– Эд. – Так же внезапно, почти бесшумно, из-за спины нашей вышел ещё один мужик. Этот выглядел повнушительней и посолидней. Вооружённый длинным луком да стрелой, зажатой меж пальцев. Чернобородый, плечистый, невысокий, размерами чуть больше своего оружия. – Не пугай людей!

Эд руку положил за лохматую голову и басисто, растянуто загоготал. Он этого и добивался, а теперь потешался над моей реакцией да приговаривал:

– Мы дозорные, мы в засаде, не атакуем, мы защищаем.

Одетый как большинство бедняков, как и я в том числе, он говорил с сильным акцентом, свойственным людям с осо-

бенностью в развитии. Вторую его особенность – когда один глаз смотрит прямо, а второй далеко влево – я заметил лишь приблизившись.

– Я тебя как пятьдесят шагов назад заметила, – длину шага убавив, холодно и жёстко заявила Сандра.

Лицо Эда, его улыбку, как волной смыло. Я не стал отставать от спутницы, но, проходя мимо бедолаги, попытался подбодрить того:

– А я вот не заметил. Ты мастер маскировки, Эд.

За спиной послышалось радостное: «Ы-ы-ы… слышал, брат, я мастер!» Дозорные принялись болтать о своём, и через пару десятков шагов их разговор, смех, растворился в многочисленных голосах тех, кто развлекался у огня.

Дети, завидев Сандру, облепили её, как ищущие света мотыльки. Я тоже не остался без внимания.

– Это же вы! Джони, верно?! – Рядом с детишками оказалась та самая «курочка с лапками вместо рук» – дочка торговца капустой.

– Да, добрый вечер…

– Очень добрый. – Пролепетала она и, взяв меня за руку, потянула за собой. – Папа весь вечер хвалил вашу яичницу в капустном листе! Много-много кто хочет её попробовать!

Я сбит с толку, оглядываюсь на Сандру, а та, ладошкой прикрыв рот, состроив хитрые глаза, хихикает. Что ж, мы ведь все в одном лагере, да и шанс подзаработать – как никак.

Завидев меня, Гурд кивнул окружавшим его мужикам. Разных возрастов, достатка, возможно и сословия, они сбились вокруг него как стая волков вокруг вожака. Сидя на брёвнах, разложенных вокруг костра, к которому и на метр опасно подходить из-за пышущего жара, он восседал как самый настоящий конунг или кто-то типа того. Гурд согнал с места подле себя мальчишку лет десяти и рукой указал мне на освободившееся место. Двояким чувством отозвался этот жест. Люди вокруг суровые, каждый выше и больше меня – что в плечах, что в весе, что в длине бороды, которую я ещё даже растить не начал. Серьёзные лица оценивали того, кто садится рядом с самым большим дядькой. Мне будто каждый из этих дядек вызов бросал. С другой стороны, лишь упав на место, замечаю и других – тех, кто просто оказался в тени крупных и опасных силуэтов.

– Папенька, я попросила Джона сделать то вкусное блюдо, с яйцом!

Мужик зыркнул на дочь – и та аж голову в плечи вжала, да смолкла. Зыркнул он на неё, а поплохело нам обоим. Видно сразу, кто в доме хозяин.

– Будешь яиц много есть – закудахтаешь. – Уперевшись рукой в ногу, басом выдал папаня.

– Куд-кудах! – в шутку копируя курицу, выдал беззубый дед на другом конце бревна, и мужики в голос рассмеялись, заставляя девочку краснеть.

Посмеялся и Гурд, а затем всё же велел принести Зое нужные ингредиенты. Он не стал даже интересоваться, есть у меня чего или нет. Сказал – и та пошла к отдельно сидящим на другой стороне костра возрастным женщинам. Со мной он говорил не так, как с дочкой, да и с другими мужиками обращался иначе. Нет приказов, есть просьбы и переглядки, в которых читалось уважение, переплетённое с желанием договариваться. На горизонте маячила перспектива – наесться от пуза за чужой счёт. Я согласился поиграть в повара, разложил утварь и поинтересовался попутно:

– Найдётся ли кто-то, продающий обработанный металл или иное железо?

Вопрос оказался странным для местных. Те, кто работал с хорошим железом, с кузнецами и рудниками, отдыхали в трактирах и при дворах знати. Здесь же собрались «люди малой ноги, ногтя мизинца пальца» – как в шутку сказал один из торгашей, после чего все вновь заржали. Металла нет, зато имелось пара барахольщиков, скупщиков – тех самых ребят, одетых побогаче. Они не имели ни чина, ни звания, ни двора, ни кола. В прошлом наёмники, ныне – мелкие торговцы от компании, чья задача – возить и распродавать самый-самый хлам, оставшийся после работы их компании.

– От авантюристов много мусора. – Говорил старший, длинный, с взглядом ястреба и банданой коричневого цвета. – Сломанное оружие низкого качества, неподлежащая ремонту броня, старая, рваная и пропитавшаяся кровью одеж-

да, которую никто носить не будет.

– А почему носить не будут? – Когда я сполз на землю, к своей плите, на моё место вновь забрался суетливый мальчишка.

– Потому что с покойника снята, – спокойно ответил Гурд.

– Ага… – многозначительно затянул тот, которого я про себя прозвал Соколом. – Вот нагружают нам воз этого «добра» и отправляют в круг, по городам и сёлам, распродавать. Доля – пятьдесят на пятьдесят. Сколько продашь – столько заработаешь.

– Честная цена, – говорю я.

– А по-другому за это никто бы и не взялся, – ответил Сокол. – Как закончишь, пойдём к возу, поглядишь, авось чего путного для себя найдёшь. О, Гурд говорил, ты артефактор начинающий. У нас есть осколки кристаллов магического ледяного жезла. Обломки посоха продали, а осколки кристалла нет. С этой дрянью одни проблемы, – ворчит Сокол.

– Ага-ага, – поддакивает его пухлый напарник. – Силы с гулькин нос, а мокрый весь воз, гы-гы. Положишь в карман – карман мокрый, положишь с вещами – всё поутру влажное, иней, а отдельно кинешь – либо вороны стекляшки унесут, либо потеряются. А вещь-то подотчётная, стало быть, с нас плату и возьмут, коль посеем.

Мокрые вещи поутру? Наверное, конденсат. Стало быть, эти кристаллы постоянно источают холод. Если чуть подумать, поколдовать, может, чего путного и получится. Скорее

всего, получится! Да и железки у ребят есть. Сегодня мне явно благоволит удача.

По цвету яйца, золотистой шкварочке понимаю – блюдо дня готово!

– После еды глянем, что у вас за проблемные кристаллы, а пока налетай, кто первый?

С барского плеча, удивляя своей щедростью или сытостью, Гурд отдаёт первую порцию именно торговцам от гильдии авантюристов. И не успел я приготовить следующим, как те, вздыхая, уже стоят надо мной. Хрустя твёрдой капустой, соловьями заливаясь, нахваливают стряпню мою так, что я улыбки сдержать не могу. Краснею то ли от комплиментов, то ли от жара, пышущего от неистовствующего костра.

– А то с моей-то капусточкой в десять раз вкуснее! – хохочет Гурд и на дочку, вьющуюся вокруг нас, косо поглядывает.

Зоя очень хотела присоединиться, может, даже поговорить, но как уже сказал раз её отец: «Нечего бабе средь мужиков сидеть и уши греть». Стряпня разлетается как горячие пирожки. Мужики едят, самые наглые просят добавки, и те, кто менее наглый, но более сильный, отправляют их в конец очереди. Играя на публику, войдя в азарт, демонстрирую свои начальные навыки в управлении магией – чищу сковороду, мою, с ножом затупившимся использую магию ветра – и вновь возвращаюсь к готовке.

Так прошёл примерно час. И вот к нам подходит Сандра.

– Кыш, засранец… – Голосом строгим согнала того же пацанёнка, что и ранее Гурд. В отличие от Зои, здоровяк не посмел прогнать Сандру, сам почтенно отодвинул свой зад чуть в сторону. Да и мужики все в храбрости, в громкости своих голосов приубавили, чуть расселись. Не осталось и сомнения – Сандра тесно связана с тайнами теневой стороны города Утенбург. Только так можно объяснить безропотность и покорность тех, кто понимает лишь язык силы.

– Милый мой Гурд, – поглядев на того, протянула женщина.

– Что-то случилось, Сандра? – Натянув наигранную улыбку, спросил здоровяк. Оказывается, он умел говорить вежливо.

– Долго ещё своё дитя голодом мучать будешь? Словно голубка с подбитым крылом возле папеньки мнётся, а ты всё носом воротишь.

На плече Сандры появился тот самый бумажный журавлик. Заметив его, здоровяк побледнел и тут же попросил меня приготовить несколько порций не только для дочери, но и для других женщин, что сейчас внимательно следили за тем, как Сандра вставляет по первое число всем, кто посмеет в её сторону дурно посмотреть.

Я в этом конфликте – немой повар. Сказано – сделано. Готовлю для других под пристальным надзором женщины и

с очередной порцией слышу:

– Хорошо, кажется, я запомнила, как ты это делаешь. Позволь мне подменить тебя, Джони. Пойди, пройдись, займись своими делами, а я… – на последних двух буквах голос Сандры стал в разы грубее и злее, – поготовлю вместо тебя для самых голодных. Кто там просил добавки?

Тут же с места встали ребята из гильдии:

– Да, Джони, пошли, поработаем, дела обсудим. Ты ведь хотел посмотреть наш товар?

– Знаете, я тоже отойду, – подал голос другой.

– И я. Там, такая песня… – поднялся с места третий.

Мужики разбегались, оставляя Гурта один на один с Сандрой. Этого он не мог стерпеть. Собравшись свалить, он только пятую точку поднял, как женщина ему на плечо руку положила – и встать не дала.

– А ты посидишь с нами. – Сандра взмахом руки позвала женщин. Радостные, они повскакивали, с улыбками, кто уже доев, кто по пути уплетая яичницу, двинулись к нам. – Джони, ты ничего не забыл? – Намекнув и кивнув в сторону Зои, интересуется черноволосая заправляла.

Кивнул в ответ с благодарностью, рукой хлопнул себя по карману. Не забыл, но сначала работа.

С Соколом и Зоей, увязавшейся за нами, оцениваю товары гильдии, копаюсь в них как в металлоломе и нахожу несколько дырявых наплечников, пожранных ржавчиной. Долото у меня есть, камень потяжелее найду, останется только самое

муторное и долгое – накопитель из остатков железа наколдовать.

– Сколько? – взял самый целый наплечник.

– Большой серебряный.

Ох, ёлки-палки, дорого. Кладу обратно.

– А этот? – взял наколенник, пробитый насквозь по центру. Дыра искусственная, и такого размера, что могу поклясться: владелец его ногу точно потерял.

Сокол задумался, достал из кармана свёрток, развернул и показал мне. Там был полный перечень всего с указанными ценами. Это был жест, подтверждающий его честность.

– Пять малых серебряных. – В свете лампы, которую держала Зоя, смотрю на указанную позицию.

Блин, дорого. И тот, который мне нужен, тоже слишком дорогой – две малые серебряные. У меня столько нет, а напрашиваться, отдалживать у Сандры не стану – гордость не позволит. Отложить покупку? Или… глазами пробегаюсь по списку, нахожу несколько интересных вещей.

– Давай бартер, – предлагаю я.

– Внимательно слушаю, – деловито произносит Сокол.

У него в списке нашлось несколько пар пошарпанной, изношенной и никуда не годной обуви. Залитая кровью, рваная и пригодная на тряпки одежда, которую только на заплатки рвать. Это я обязуюсь починить или привести в угодный вид. Если ему не понравится – куплю, на это денег хватит. Так же имелось несколько надломанных ножей и осколков

железа более или менее приемлемой величины. Я хорошо управляюсь с начальной магией всех элементов. Используя ветер и землю, отбираю и чищу песок, добавляю чуть влаги и сильно уплотняю, создавая тем самым небольшой по размеру кусочек абразива. Он хорошо подходит для заточки, а ещё я имею опыт в создании рукоядей и разных предметов из дерева. Таким образом, из хламья и палок я мог создать и починить часть их товаров. Проблема в том, что у меня нет денег купить всё, но я могу начать работать и, если Сокола устроит, передавать ему готовые изделия взамен на скидку.

Сокол пожал плечами, почесал репу, потом достал мне те самые, стоящие сущие медяки, рваные одежды, пару ботинок да осколки железа. Сгрёб это всё на край повозки и сказал:

– Делай. У тебя время до рассвета. А я пойду пить. Зоя, иди к Гурту. Так будет лучше для всех.

Сокол посмотрел на меня без угроз, без слов озвучив понятную мысль: Гурт – человек, которого лучше не злить.

– Я бы хотела посмотреть, как Джони работает… – ресничками своими хлопая, как щенок, умоляющий, чтобы его приласкали, смотрит на меня Зоя.

– Я предупредил. – Не став ждать, уходит Сокол.

Лучшего момента не представится.

– Зоя, – достаю гребень и вкладываю той в руки, – это тебе, в благодарность за помощь этим днём. Он совсем про-

стой. Только немного с ним поколдовал, а так…

– Какой красивый! – сразу приняв подарок, перебила меня девчушка. – Буду беречь!

И тут же, не дав и слова сказать, чмокнула меня в щёку. Сбоку от нас, из лесу, вышла парочка – все в листьях и иголках, запыхавшиеся, потрёпанные, но счастливые. Зоя посмотрела на них, потом на меня и кокетливо стрельнула глазками в сторону леса. От этой кокетливости, шага сделанного навстречу, мне вспомнилось лицо Гурта – и тут же поплохело. Нет-нет-нет. Мне ещё обещание, данное Сандре, держать.

– Прости, нужно работать, иначе останусь голодным, ещё и долг выплатить не смогу. А с долгами в здешних местах не шутят.

– Ой, – охнула Зоя, и я, словно тень отца её за спиной увидел, обернулся. Только костёр да радостный Эд с детишками, рассевшись на голой земле, смотрит кукольное представление Сандры. Дозорный из него так себе, но, судя по тому, как его облепили дети, человек он очень хороший. – Долги в Утенбурге… мне жаль вас, милый Джони. Теперь я понимаю, почему рядом с вами Сандра. – Девушка поставила на край повозки лампу. – Пусть она осветит путь к успеху. Удачи, милый Джони, не смею мешать.

Зоя откланялась и, глядя на меня как на неизлечимо больного, с настроением вмиг испортившимся, отправилась к детям. Эх… Ну, хотя бы про «голод» я не соврал.

Засмотревшись на её удаляющиеся бёдра, шлёпнул себя ладонями по щекам. Нужно браться за работу!

Первые на очереди – осколки железа. Фокус с превращением разбитого, ломаного клинка в пяток ножиков разных размеров я уже проделывал. Правда, той же ночью меня и ограбили, но суть дела не меняет – опыт есть. В свете лампы оглядываю обломки, ищу трещины, где надо – доламываю и дроблю. То, что на мой взгляд пригодно к работе, откладываю в сторону. Получаю семь кривых, неровных, страшных кусков железа с разной стороны заточенных. Обоюдоострых, толстых кусков среди обломков нет. Значит, никаких двухсторонних лезвий – простая до безобразия, с одной стороны точенная утварь.

Теперь заточка. Порывом ветра откидываю в сторону листву, мох, ельник, гниль. Затем сжимаю ком земли, подбрасываю вверх и начинаю вымывать, выдувать, пытаясь сделать поплотнее. Мне нужен песок, чистый, но в подобной лесистой местности до него сложно докопаться. Лесная подстилка, отбрасываемая мной, превращается в кучу, а рядом с ней – воронка, в которой я как пёс ищу цель и нахожу. Необходимое количество пригодного песка сжимается до нужной плотности, увлажняется, и я перехожу к шлифовке, подгоняя обломок под рукоять, а после – и к заточке самого обломка. Работал осторожно – только всё ровно порезался. Очень не хватало стальных тисков или тисков с использованием ма-

гии земли. Но пока мне не хватало опыта для поддержания двух и более заклинаний одной стихии, попутно используя ещё две. Ведь для заточки мне требовалась земля, вода, ветер, и в комбинацию эту добавить одновременно, попутно работающее заклинание любой из стихий, работающих параллельно, у меня не выходит. Очень сложный, утомляющий голову, глаза, руки и тело процесс.

Музыка становится тише к моменту, когда я бродил среди запасов веток и брёвен в поиске сухих, подходящих под рукоять черенков. С такими железками можно не выкоблучиваться, делать из говна и палок, да только я хочу сделать хорошо. Если Сокол попытается занизить цену – заплачу ему за железки, заберу ножи и продам их завтра сам. Товар-то популярный, и в быту, и под ребром недруга всегда полезен. Нужная ветвь, приятной формы, с наклоном и сучком как раз под указательный палец, стала для меня очередным подарком. Обтачивая её, снимая слой коры, по-детски смеялся с того, как сильно могу радоваться обычной палке. Вроде деревяшка, простая, но её изгибы, форма, то, как ложилась в руку, вызывала внутреннее удовольствие. Как минимум один нож получит первоклассную рукоять.

Подстукивая, подгоняя, использую свою магию как могу, всаживаю обточенный кусок железа в деревянную рукоять. Обычно часть ручки ещё и обжимается, уплотняется, но у меня крайне мало, вернее даже нет ресурсов для подобного

качества. Потому придётся вновь прибегнуть к магии. Помолившись, чтобы ручка не лопнула, накладываю первичные чары укрепления. Раздался хруст, а после в стороны полетели щепки. Никогда с первого раза не получилось. Хорошо, что был к этому готов. Поглядев на число деревяшек и ту, самую красивую, пробую ещё раз. Осторожно, вдоль волокон древесины, прохожу по диаметру простой магической линией и соединяю. Первая часть удалась. Теперь нужно прижать к железу. Постепенно уменьшаю радиус до первого характерного треска – и тут же останавливаюсь. Осматриваю. Визуально – цел. Беру в руку, сжимаю в кулаке, делаю пару взмахов. Потом на ближайшем орешнике пробую лезвие. С размаха, под углом, по толстому стволу, без жалости к дереву и ножу. Удар пришёлся точный, прошёл зелёную часть коры и треть от всей глубины – очень хороший результат для физически слабого меня. Осмотрел ручку – ни сдвинулась ни на миллиметр. Посмотрел лезвие – ни трещинки, ни скола, ни зазубринки. Отлично. Первый готов.

В работе главное – начать, добиться первого положительного результата, а дальше по накатанной. Когда все заготовки на месте, никто не мешает, не отвлекает – дело идёт быстро. И вот, последнее моё творение, когда рука набита, мозг на опыте, я завершаю свой самый большой и, пожалуй, самый красивый нож из всех, что я когда-либо делал. Рукоять изогнута, есть упор для указательного пальца. Так же я осторожно, волнами, подшлифовал под кисть всю ручку и при

помощи магии огня, обжигая, нанёс свойственный обжигу дерева узор. Получилось великолепно. Я смотрел на него, и в свете лампы, едва горящей, видел своё счастливое лицо.

– Ну что, сумел чего? – Проходящий мимо Сокол упал мне на плечо. Из рта его воняло как из выгребной ямы.

– Принимай работу!

– А-а-а… – тот повис на мне ещё сильнее, едва не уронив на повозку. – Это чьё? – Он пытался проморгаться. – Это наше? Толстый, ходь сюды! – крикнул прямо мне на ухо, от чего аж в голове зазвенело.

Сокол зовёт напарника, и тот, то ли из туалета, то ли ещё откуда, держась за штаны, не идёт, а бежит на зов старшего.

– Гляди, какие ципы…

Толстый посмотрел на напарника с таким недовольством, такой мужской злобой, что казалось, сейчас схватится за нож. Видать, прервали на самом интересном. Более трезвый, толстячок, уверенной походкой приблизился к телеге, взял в руки первый попавшийся нож, покрутил у лица.

– Из мусора этого сделал?

– Всё так.

Он подошёл к дереву, не к кустам, на которых я пробовал, а к дереву, и с размаха, режущим, ударил по коре. В моменте я испугался за рукоять – что не выдержит и тот порежется. Всё же он был и выше меня, и лучше сложен, потому и бил в разы сильнее моего.

– Какой крепкий, – цокнул языком толстяк, от действий

которого у меня лоб испариной покрылся.

Толстяк достал свиток, такой же, как у Сокола, прошёлся по позициям, которые вычеркнуты, и закивал.

– Ножи хорошие. Такие и на рынке, и в гильдии за пару малых серебряных, а то и два купят. Тебе ещё что-то нужно из этого хлама? – спрашивает толстый.

– Деньгами не дадим. Бартер, – повторяя мои слова, всё так же вися поверх меня, кривляется Сокол.

Много железок за собой тягать трудно. Мешок-то не резиновый. Потому вновь пробегаю глазами по вещам. Забираю свой дырявый наплечник, затем дырявый наколенник. Наплечник – на себя, пока, а наколенник на ленточки распущу и в спираль, но потом. Как раз оставалось примерно один-два серебряных, и я попросил один нож себе – тот, который уже повесил себе на пояс. В полумраке парни не видели, какую красоту я сотворил, потому слепо согласились. Они хорошо заработали на мне, а я, в свою очередь, из того, что есть, заработаю ещё больше.

– О, точно, камни! – вспомнив, окликнул Сокол. – За твой нож отдам, или, нет, давай за копьё!

– Копьё? – удивился я. – У меня нет копья.

– А-а-а-а, точно, – затянул толстый и помог Соколу отыскать необходимое. – Нас звериное племя на подступах Мэйкуна прижало. Вот, об одного из них я своё любимое копьё повредил. Вижу, у тебя в ножи плетение магическое внесено, а у меня как раз древко лопнуло. Попробуешь скрепить?

– А если лопнет? – спросил я.

– Отдашь нож – и получишь камни, – пожал плечами толстяк.

Вот ушлые, блин. Хочется – да и колется. А была не была. Берусь за копьё, осматриваю, нахожу линию трещины, понимаю, что «хомутом» магическим здесь не отделаться. Нужно детали ещё и между собой печатью крепить. Авантюра авантюрой – придётся магией по дереву, как сваркой по металлу, жечь. Надлом деревянный фиксирую на четыре магических кольца. С мокрой спиной берусь за скрепление волокон печатью. Это уже даже не сварка, а хирургия какая-то!

Всё трещит. Магия рвёт дерево, волокно слабое, а создание печати только на середине. Стараюсь уменьшить поток магии, плести узор чуть быстрее, на большую площадь и тоньше. Нужно перенести связь на железо и… чувствую удар магии о магию. Наконечник оказался зачарованным! Всё трещит ещё сильнее. Мужики делают шаг назад, будто вот-вот копьё взорвётся, а я, судорожно накидывая плетения на плетения, всеми способами пытаюсь связать чужую магию со своей. Будто паук, плюющийся нитью, слоями как суперклеем обматываю чужое заклинание своим. Так никто не делает, но я делаю. Магия так не работает, но у меня нет ни другого плана, ни других идей. Лишь бы временно продержалось, а там хоть трава не расти! Подстроиться под магические соединения того, кого не знаешь, практически

невозможно. В моменте думаю: всё, прощай, ножик. Но нет. Многочисленные нити каким-то образом запечатывают полностью лезвие, дерево, и то изнутри становится подобно магическому посоху, только с магией, направленной вовнутрь него. Как это получилось, чего я там натворил – понятия не имею. В ушах гул – признак магического истощения. Учившие меня магии предупреждали об опасности подобного, и, видимо, на сегодня колдовство завершено. Нужно сваливать, пока это добро в чужих руках не развалилось!

– Забирай. – Протянул копьё первому попавшему – и это был Сокол.

– А ну-ка, – тот поднял его над головой, собираясь метнуть в дерево. Нет, только не это! Стой, давай потом!

Фиаско всё ближе. Руками прикрываю лицо.

– Длинный, что ты делаешь, постой, отдай! – Но Сокол не слушал толстяка и со всего плеча швыряет копьё в дерево. Как он при таком опьянении попал – понятия не имею. Довольный, что слон, длинными шагами, виляя и чуть не падая, Сокол рванул к копью, и толстый за ним.

– Стой, не тяни, – у бревна между пьяными друзьями начался спор. – Эй, не дёргай из стороны в сторону, подожди, длинный, дай я, ты щас сло…

Пытаясь расковырять, вытянуть, длиннорукий напарник благополучно ломает древко. Причём, судя по длине, даже не в том месте, с которым я работал. Алкошня проклятая…

Мат стоял трёхэтажный. Чуть не подрались. И в конце

толстяк с барского плеча кинул мне влажный мешочек с камнем. Приятный бонус за все мои старания. Спасибо, Сокол, за то что ты такой бухой! Забрав железки, решаю отправиться спать. Сил и желания смотреть на эти пьяные морды нет, да и через час-другой рассветёт. Я не могу позволить себе пропустить второй день ярмарки.

Возвращаясь, вижу мирно спящий лагерь и сидящего задумчивого Гурта. У ног его, голову пристроив на моём вещмешке, лежала Зоя. Взглядом он указал на всё то же популярное место справа от него. Мне бы поспать, но что уж тут. Сел. И у носа моего тут же зависла огромная, как пол моей головы, мясная кувалда.

– Видишь кулак? – Тихо, сквозь зубы, спросил Гурт.

– Да как такое не заметить, – спокойно ответил я, и он убрал это смертельно опасное оружие от моего лица.

Громила выглядел озадаченно. Ему не очень хотелось о чём-то говорить, но и что-то к разговору подталкивало.

– Слушай, ты парень смышлёный, хороший, сразу видно, но не могу я тебе дочку отдать…

Всё-таки курочка заклевала грозного орла. Забавно. Хочу проверить свою теорию:

– Из-за долга? – спросил я.

– Из-за этого тоже, – пробормотал мужик. – Ты ж меня видишь, какой я? Большой, сильный, кулачищи во какие – камни дробить можно. А эта… как её мать – гулящая. Куда не приеду – везде! Эх… – Мужик с досады махнул рукой и,

губу прикусив, чуть слезу не пустил. – У меня десять детей, и ощущение, что когда я в отъезде, на рынке иль в поле, через мой дом армия гномов проходит, и каждый с женой моей… Все – девки – все мне по грудь. Если бы хоть одина как я.

«Прости, Гурт, но таких вышибал, как ты, один на тысячу дай бог. Десять детей в этой статистике – как пыль морская». Но, конечно же, так я отвечать не стал и с солидарным лицом кивнул.

– Найдёшь себе другую. А у Зои жених есть. Того дурня хоть не жалко – тупой как дерево. А ты умный, один не останешься.

Жених, значит… Поглядел я на эту «голубку с подбитым крылом» – и увиделся мне в ней не голубь, а ястреб, причём матёрый и опытный. Не папки мне её стоило бояться, а под каблуком у гулящей оказаться.

– Спасибо, Гурт, хороший ты дядька.

– Да перестань. Вот, возьми, – он отдал мне свой огромный плащ, в котором и двое поместятся, – иди, ляг у костра, пока я не передумал и не отдал тебя ей на съедение.

Он говорил это с улыбкой, а у меня при виде этого сопящего на моём мешке ангельского личика мурашки по спине побежали.

Красота – страшная сила.

Глава 3

Благодаря чуткому сну, я поднялся с первыми торговцами. С корзинкой и мешком, в компании невыспавшихся работяг, отправился в город, впервые простоял положенную очередь, попал на рынок, где, расстелив свой прилавок, меня уже ожидала Сандра. Поинтересовавшись о Зое, о том, знала ли женщина что-то о ней, смеясь с себя и с этой загадочной личности, осведомлённой обо всём, я раскладываюсь, готовлю завтрак, после чего получаю пристальный, недовольный взгляд.

– Я что-то делаю не так? – В руках моих поделка на плиту, долото, и это не то, чего ждала Сандра. А, точно, вспомнил её вчерашние наставления… – Уважаемая Сандра, можете подменить меня, пока я по артефактным лавкам пробегусь, цены узнаю, посмотрю, что к чему?

Посмотрев на меня как на безнадёжного, женщина тяжко выдохнула. Подсев поближе, жестом кисти прогоняющим освободила от полюбившегося занятия. Сложно мне даются социальные уроки, да и личность я уже состоявшаяся – поди попробуй самого себя перевоспитай. Всё в новинку, всё в диковинку, да и переживаю я, точно ли всё у неё будет в порядке?

Когда я, нервничая, обернулся, Сандра уже принимала у покупателя деньги. Не прошло и минуты – выдернула ко-

го-то из толпы, и вот он уже сунул ей ломаный медный. Она в лице изменилась, добрая такая, общается спокойно, улыбается, на себя вечернюю совсем не похожа. Сразу видно, язык подвешен.

Руками проверяю всё необходимое, самое главное. Кошель и нож со мной, на дворе солнце во всю жарит, да и прохожих вокруг, как кильки в банке, не пропаду.

– Ну-с, погнали.

Торговая площадь Утенбурга представляла собой прямоугольное пространство. В начале города, на въезде, шли конюшни и малый скотный двор. Затем – старые пошарпанные двухэтажные дома простых горожан, жавшиеся друг к другу в узких улочках, и ближе к площади, к центру города, вырастали дома покрасивее – тех, кто статусом и достатком побогаче. За ратушей, по улице Светлой, куда не имело смысла тянуться нищим крестьянам, приехавшим на ярмарку, расположились улицы ремесленников. Кожевники, портные и сапожники обустроили первые этажи своих домов под мастерские, сквозь раскрытые ставни, стеклянные витрины демонстрируя разнообразные изделия. Одежда здесь продавалась не простая, как и обувь. Вкрапления мерцающих и преломляющихся при солнечном свете нитей выдавали изысканный, зачарованный шёлк. Создание его – невероятно трудоёмкий процесс, потому и каждое изделие, сплетённое из него, само собой представляло настоящее искусство ткацко-

го и портного дела.

– Шестьдесят золотых… – Чешу голову, глядя на бирку, выставленную у серого пиджака с пурпурными вкраплениями. Мне доводилось слышать, что подобные мрачные вещицы очень любят в преступном мире, так как, благодаря правильному зачарованию, можно было добиться разных магических эффектов, помогавших как в маскировке, так и защите тела. По мере зачарования одежда могла сама по себе стать серьёзным артефактом, а при определённых условиях и вовсе обзавестись сознанием. Хотя последнее – скорее миф, чем реальность. Ведь одно дело создать вещь, а другое – душу. Ещё раз посмотрел на ценник: шестьдесят золотых – ужас. За эти деньги можно купить тридцать коров или небольшую деревеньку с парочкой домов и десятком селян в придачу. Интересно, какая себестоимость у данного изделия, сколько мастер потратил на него времени, и…

– Боже правый, шестьдесят! – Цена не выходила у меня из головы, затмевая все прочие мысли.

Далее, прогуливаясь по улице, размышляя о том, как с такой суммой можно до конца жизни не работать, слышу редкий и чёткий стук молота кузнеца. Его печь и наковальня – как витрина, а то, как он работал – труд мастера, как товар, который продавался за дорого.

Гном ростом метр шестьдесят, и в плечах – метр в ширину, в кистях своих держал молот. Для обычного челове-

ка – слишком большой, неподъёмный инструмент, но в руках гномьих он выглядел как слегка увеличенный размерами молоток. Поддавая жару, нагой он разгонял меха и, приговаривая, нашептывая на гномьем, внимательно следил за сталью. Взывал к духам прямо передо мной – мастер зачаровывал заготовку. Маленькие, едва заметные глазу огоньки холодно-серого и светло-оранжевого цвета выползали из раскалённого куска. Неведомые сущности плясали на том месте, куда с силой бил гном. Мне казалось, он пытается их разогнать, прихлопнуть или вбить в сталь, вскоре мелкие проказники принялись осыпать заготовку чем-то наподобие пыльцы.

Впервые видя мастера-гнома за работой, я подошёл слишком близко, чтобы рассмотреть их. И дядька, нахмурившись, отвлёкся от работы, поглядел на меня с немым вопросом: «Чё надо?!»

– Прошу простить, я просто хотел сказать, что ваша работа с духами удивительна! – Говорю быстро и, откланявшись, под тем же пристальным взглядом тороплюсь оставить грозного дядьку. Он взглядом буквально рвал меня на части. Лучше не крутиться под молотом, нечего человеку мешать.

По улице, на расстоянии пары десятков шагов от кузни, нашёлся магазинчик латника и оружейника. Оба так же работали со сталью, доносился стук, только они трудились за закрытыми дверями. Интересно, а что именно делал тот

гном? Слишком я пугливый, стоило хотя бы попытаться поговорить.

Собираясь зайти в лавку, дверной проём которой подпирал мужчина бандитской наружности, натыкаюсь на громкое и чёткое:

– Стоять. – Охранник выплюнул из рта соломинку, уткнув руки в бока, грубо произнёс: – Иди своей дорогой, деревенщина, для таких, как ты, тут товаров нет.

Мда, рубрика «И такое бывает». Пожал плечами, кивнул, а после пустил свои ноги прочь от этого грубияна. Дожились, даже посмотреть нельзя.

Далее, по улице вновь шли дома побогаче, и ближе к концу, к стене, захудалые дома из двухэтажных перетекали в одинокие строения очень плачевного состояния. Где-то прохудившиеся крыши, где-то вместо дверей – кусок старой, грязной ткани, и лица, грязные, уставшие, внимательно следящие за тобой. Где-где, а здесь я по-настоящему ощутил себя в опасности.

Осторожно прогуливаясь под присмотром дозорных, быстрым шагом выхожу на улочку пошире и посветлее. Вчера, за время ужина, мужики мне рассказывали как минимум о двух лавках артефактов. Либо это была одна, но описанная разными рассказчиками абсолютно по-разному. Погуляв ещё с полчаса, пройдясь мимо вонючей мыловарни и церкви, вышел к постоялому двору – с виду солидному и богатому. Там и спросил у молодого холуя дорогу. Оказалось совсем

рядом, всего в пятидесяти шагах от таверны, в коей хозяин лавки являлся завсегдатаем.

Заветное место находилось промеж книжной и алхимической лавок. Трёхэтажные, богато украшенные домики стояли друг к другу настолько близко, что их пожилые владельцы, сидя за одним столом, без проблем могли наблюдать за входами в свои заведения. Все трое хорошо одетые, сытые, с длинными, ухоженными бородами и взглядом, достойным их состояния и преклонного возраста.

– Здесь нет для тебя работы, бродяга. Проходи, не мозоль глаза. – Говорит мужчина, сидевший ближе к книжной лавке.

– Я бы хотел заглянуть в лавку артефактов, позволите? – Спросил я, и старик по центру, приподняв правую бровь, оценив меня, деловито бросил кости, под стук их утомительно протянул:

– Ну загляни. Только ничего не трогай, а то без рук останешься.

– Я понял, спасибо.

Почтенно поклонившись мужчинам, приоткрываю дверь, которая, коснувшись звоночка, активировала заклинание ветра. Звук простой, а колебания в воздухе магические. Ниточку, шедшую от колокольчика к рыцарскому доспеху в полном комплекте, с мечом, я сразу заметил. Железные доспехи на себе держала боевая кукла-охранник в человеческий рост. Как она работает и из-за чего может напасть, не знаю, потому, закрыв дверь и пройдя внутрь, убираю руки за

спину – от греха подальше.

Ровные полочки со стеклянными витринами хранили красивые, обшитые бархатом и шёлком коробочки с откидным верхом, демонстрировавшие разнообразные кольца, подвески, ожерелья и диадемы. Будь я простым человеком, подумал бы, что попал в ювелирную. Однако всё гораздо сложнее. Бижутерия – неотъемлемая и важная часть каждого, кто способен чувствовать и управлять потоками магии. Кольца силы имеют внутренний накопитель, позволяющий владельцу в час нужды использовать дополнительный объём маны, который позднее восстановится сам либо будет восстановлен магом или артефактором. Такие кольца часто покупают воины, а с ними – артефакторы вроде меня, не имеющие достаточного количества маны. Кольца-накопители очень полезны, и польза их кратно возрастает при одновременном использовании с кольцами иного типа, для исцеления, атаки или защиты. Немалую роль играют и браслеты. В зависимости от зачарования, известные мне, увиденные в пути браслетики могли как влиять на концентрацию магии, уменьшая область поражения и увеличивая пробивную способность, так и, наоборот, рассеивать, увеличивая площадь рассеивания. Учившая меня магии воды старуха, в деревню которой я набрёл, показала, как при помощи браслета распыляла воду из ведра, поливая свои огороды на семь-восемь метров от себя. Хоть она и являлась волшебницей начальной ступени, была стара и слаба, но благодаря артефактам, собран-

ным за жизнь, спокойно могла дать прикурить каждому зарвавшемуся юнцу. Она и рассказала мне о зачарованной бижутерии. Единственное, с чем я пока не разобрался, – это с ожерельями: не имел возможности даже в руках подержать, да и старуха так же никогда подобного не имела. А о диадеме слышал лишь как о чём-то невероятно технологичном. В зависимости от мастерства артефактора, она могла поднять уровень могущества мага. Новичка вроде меня – на короткий срок сделать магом средней ступени, открыть недоступные заклинания, и тому подобное. Чем человек сильнее, тем эффект меньше, но когда ты уже опытный боевой маг, человек-оружие, на конечной силе заклинания скажется любая, даже самая незначительная мелочь.

– Хороший набор. – От колец перехожу к вещам, чьё предназначение без создателя не поймёшь. Теперь я с позиции Сандры смотрел на чужие поделки, пытаясь понять, что это такое и как этим пользоваться. Какие-то палочки, тарелочки или диски с рисунками и узорами магическими. А для чего оно – нужно звать мастера, спрашивать, а ему до меня, нищего, дела нет. Ой, а это что такое, и где пробка…

Проходя мимо витрины, нахожу свою Пиезу. Ни с чем не перепутаю это дилетантское изделие с весьма убогим дизайном.

– Ваше? – Я обернулся. У открытой двери, умудрившись зайти без звона колокольчика, стоял тот самый старик. Он

как-то странно щурился на один глаз. Заметив, куда я смотрю, усмехнулся, указав пальцем наверх, к подвешенной у потолка лампе. От увиденного меня бросило в пот. В стекле, там, где должна стоять свеча, расположился человеческий глаз.

– Следили за мной?..

– Разумеется. – Глаз в лампе превратился в туманную дымку, после чего дедуля вновь смотрел на меня своими двумя.

– Я разве похож на вора?

– Утенбург переполнен сомнительными талантами. – Идёт к прилавку артефактор. – Ваше устройство местный повар продал мне за полцены. Оно слишком невзрачное для того, кому нужен яркий огонь, страх и трепет, представление и человеческие эмоции. К тому же оно не лишено опасных недостатков.

– Да… моя знакомая назвала это изделие железной свечей. Какое уж тут представление. – Говорю я с насмешкой, но старик пропускает мою попытку разрядить обстановку мимо ушей.

– Если не разорвать печать вашего устройства, положить, к примеру, рядом с соломой или тканью, может даже деревянной стеной, то непременно случится пожар.

– Да, так и есть. Я пока ещё не придумал, как устранить этот недостаток. – Отвечаю я.

– Почему вы не внедрили сюда магический временной пе-

реключатель? Не ограничили время действия по секундам, движению потоков маны либо чего-то другого?

– Не знаю как. – Спокойно ответил я, поглядев на старика с надеждой. А тот лишь закатил глаза, да надменно нос задрал.

– И я тебя этому точно учить не стану. Боже правый, – он идёт к прилавку, достаёт из-под того бутыль вина, – это элементарная наука, э-ле-ме-нтар-ная, которую способна освоить даже такая бездарность и серость, как ты. – Он явно наслаждался своей полной доминацией, положением и знанием. Что ж, есть чем бахвалиться. – Если хочешь учиться – иди в Люис и золота мешок с собой прихвати, за деньги научат быстро. Если нищий, хотя почему «если», будучи нищим и тупым, иди учись и работай в Мэйкун. Эти вонючие нелюди с распростёртыми объятиями встретят даже такого недоартефактора, как ты.

– Как-то совсем грубо вы с покупателем. Можно немного повежливее?

– Покупателем? – Удивился старик, тону сбавил и, громко стукнув донышком бутыли о стол, оставил вино в сторонку. – Ты что ль мой покупатель? И сколько у тебя с собой денег? Так сколько, скажи – я и вина дорогого налью, и еды подать горячей велю, и молодку к тебе приведу, если ты и вправду мой покупатель. Сколько у тебя денег?

– Пара серебряных. – Спокойно ответил я.

Я слышал, как заскрежетали его зубы.

– Вон из моей лавки! – Словно я ему в лицо плюнул, пальцем указал на выход старик, и статуя железная, реагируя на потоки магии хозяина, шелохнулась позади меня.

Вот же старая жаба. Он просто ужасен! Выхожу из лавки быстро. Хотелось бы ещё и дверью хлопнуть, но сработал какой-то артефакт на воздушной основе, и та перед ударом замедлилась, вызвав смех у одного из стариков за пределами лавки.

– Вы только посмотрите на этого уродца! – Вышел в след за мной старик. – Никогда тебе не стать артефактором, убогий, никогда! – Кричал он мне вслед, и я, не сдержавшись, шлю его ко всем чертям.

И как таких земля носит? Только узнал о том, кто сделал артефакт, о моей слабости – и давай лицом в грязь. Хамло, прыщ на старой заднице, пиявка на теле общества, а не человек, блин. Злости на него не хватает!

Едва сдерживая своё негодование, бреду к рынку. Хватит с меня на сегодня открытий. Прохожу мимо очередного кабака, замечая Зою в объятиях с каким-то юношей. Лащутся, воркуют, а тот и рад её и в шейку, и щёчку чмокнуть. Мда, не обманул Гурт: прошла весна, точнее ночь, завяли помидоры.

Возвращался униженным, посланным и брошенным. Из плюсов – только мой артефакт, улучшенный злобным дедом-нарциссом, да желание вновь поскорее отправиться в

путешествие, распрощавшись с этим неприятным городом. Слова старика задели, то, что Пиеза не оказалась в мусорке, говорило о полезности и возможности его использования в повседневности. Только бы узнать, как этот таймер магический наводить – и всё, поделку хоть в серию запускай! Старая жаба, чтоб тебя от вина твоего проклятого всю неделю поносило!

Так, желая своему прошлому собеседнику скорейшей встречи с деменцией и домом престарелых, в ненависти и бубнеже добираюсь до своей уютной торговой точки. У Сандры за работой целая очередь скопилась. Я замер, не подходил, дабы не спугнуть своей кислой мордой многочисленных покупателей. Она шутила, приговаривала, весело общалась с людьми, отдавая еду в капустных листах. Понравилась ей эта затея. А ещё, рядом, за спиной её, вижу деревянное ведро с водой и мальчугана-оборванца, чего-то ждущего. Отпустив последнего в очереди, женщина передаёт сковородку, и мальчишка тем, что мог, деревянной ложкой отскрёб в отдельную тарелочку всё нагоревшее, потом утварь в воду – и давай шаровать. Без магии воды, но с помощником, пока есть время, она нарезает сало, овощи, и вот, к моменту, когда подходит новый человек, всё готово и отправляется строго по порядку в одну сковороду. Талантливый человек талантлив во всём.

– Вижу, посещение старого артефактора прошло как надо. Садись, занимайся своей поделкой, а я поготовлю. – Напом-

нив не самое приятное, Сандра удивила ещё сильнее: взяла с человека не три, а четыре малые медные.

– А это как? – удивился я.

– Ну я же тоже что-то должна зарабатывать. – Пожала плечами женщина и, поправив косынку, прямо у покупателя спросила: – Скажи, цена в четыре монеты лучше, чем цена в пять?

– Да-да, четыре лучше! – Закивал тот и, забрав еду, поблагодарив женщину, пожелав хорошего дня, счастливый побрёл по своим делам.

Фига се, интересная постановка вопроса.

Перестав удивляться её выходкам, возвращаюсь к спирали. Где долотом с камнем проминаю и рву, где при помощи огня грею и гну. Маны очень мало. Будь у меня кольцо с камнем на накопление и браслет на улучшенный контроль сжатия, я бы мог прожигать, гнуть и резать тонкое железо не хуже, чем сварочный аппарат. А так – первичное заклинание огня, долгий процесс нагревания, и самое долгое – нанесение магического плетения.

– Что ты понял из визита к старику Кроси? – Между делом, готовя, спрашивает торговка.

– Что он высокомерный, старый, заносчивый, грубый, и… я уже говорил, что он высокомерный? Ужасный человек.

– Потому что не стал учить тебя бесплатно, или потому что купил твою Пиезу и поместил на свой прилавок? – Про-

должала допрос Сандра.

– Ты и об этом знаешь.

– Я много чего знаю. – Поглядев на мальчишку за спиной, на своего мелкого осведомителя, ответила женщина. – Как думаешь, почему он был с тобой груб, почему хотел твоего ухода?

– Потому что он злобный дед? – спросил я, и Сандра усмехнулась.

– Потому что он видит в тебе угрозу. Хотя твой вариант тоже правильный. Видишь ли, многие молодые артефакторы приходили к нему со своими поделками, предлагая за бесценок, лишь бы тот взял. Кроси действительно ужасный человек, куда страшнее, чем ты думаешь, но он профессионал своего дела и никогда не выдавал чужие творения за свои. Попасть артефакту на его прилавок – значит заслужить уважение хозяина лавки, что непременно назовёт покупателю имя создателя. Как я говорила, многие приходили к нему, и почти все уходили, не добившись желаемого. А твою он купил, ещё и не на склад положил, а на витрину. Значит, увидел в ней потенциал. И когда тот, кто создал её, показался у него на пороге, это его испугало. Молодой, старательный, достаточно гениальный, чтобы создавать новое. Ты вполне мог скопировать или повторить имеющиеся у него устройства, а после, начав создавать дешёвые копии, разрушить дело всей его жизни. Старики очень гордые и ленивые. К концу своих лет запал их гениальности, готовности трудиться и бороться

с другими сходит на нет. Потому старые мастера и не любят молодых. С молодыми сложно бороться.

В словах этой мудрой женщины определённо прослеживалась глубокая мысль. Приятно осознавать, когда мастеровитые люди опасаются тебя, и в то же время неприятно осознавать, что такую простую манипуляцию, как оскорбление себя, я мог спокойно перетерпеть, попытавшись перевернуть ситуацию в свою пользу. Стерпев, отвесить комплимент, задобрить, разузнать и рассмотреть ещё что-то интересное, извлекая выгоду из изначально невыгодной ситуации. Старик давил авторитетом и опытом, а я горел, злился и поддался на его уловку.

– Было ли ещё что-то, кроме оскорблений? – спросила Сандра.

– Да, он назвал два города. Л…

– Люис и Мэйкун? – Уточнила женщина, и я кивнул. – Хм. Лучшие города для артефактора. Слушай, а он точно тебя прогнал? Ты ничего не натворил? Обычно он просто так советы незнакомцам не раздаёт. Что ты ему сказал?

– Я? – удивился, чуть вскипев, вспомнил, что нужно учиться держать себя в руках. Спокойствие – ключ к успешным переговорам. – Он стал мне хамить, а я лишь попросил его быть чуточку повежливее, а после послал ко всем чертям.

– Ой… ты мой глупенький. – Прикрыла ладошкой рот Сандра. – Это чучело старое даже лорда нашего на три буквы шлёт, зная, что ему ничего не будет. А тут ты… – женщи-

на двумя руками прикрыла лицо, продолжая хихикать. – Да, моя ошибка. Нужно было хоть об этом тебе предупредить.

– Будет уроком, – спокойно ответил я. – Старики любят покой и уважение, а я не выспался, не узнал о том, кого ищу, и какой это человек, сунулся в чужую лавку со своей горячей головой. Потому всё пошло по одному месту. В случившемся нет твоей вины, косячил только я. Держи. – Я передал Сандре спираль, а с ней – покрытый сажей железный квадрат. – Днём, если не готовишь, клади его на солнце. Если готовишь – под плиту. Благодаря свету и теплоотдаче часть магии, которая тратится на готовку, будет возвращаться обратно в куб. Если захочешь напитать, просто обратись к кому-то со стихией огня, либо в костёр или печь кинь. Но лучше к магам огня – они точно сделают всё правильно.

– Спасибо. – Приняла из моих рук спираль, а после и куб Сандра. – Я тебе очень благодарна.

Она смотрела мне в глаза, улыбалась, и от улыбки своей, искренней, словно становилась всё красивее и красивее. Прекрасная женщина, вот только за смуглым личиком, хлопающими мне длинными ресничками прячется кое-что ещё.

– Не могла бы отдать мой серебряный за спираль?

Улыбка стала чуть хитрее, она сощурилась.

– Наглеешь, – потянулась она за пазуху, к кошельку. – Молодец, значит, мои уроки и встреча с Зоей не прошли даром.

В руку мою падает большая серебряная, одна малая серебряная и тройка малых медных.

– Ого, это за сегодня? – спросил я.

– Ну я ведь работаю, общаюсь, а не сижу молча, забившись в уголок, как напуганный щеночек. – Всё так же, с издёвкой, продолжала давить на мои слабости женщина.

Да, она права. Мне нужен голос, зубы, смелость, рассудительность и решительность, купить которую на рынке не получится. Нужно учиться, бороться со своими страхами и расти не только как артефактору, но и как человеку, мужчине. Только так я смогу привлекать к себе внимание людей, а с ним и деньги.

На дороге показалось два сорванца. Бежали они с той стороны, откуда пришёл я, и при виде их собеседница откладывает в сторону спираль, поднимается с места.

– Сандра, Сандра! – Девичьим голоском пищала малышка. – Кроси обиделся, послал за Шмелём, будет беда!

Женщина звучно цокнула языком, кинула на меня взгляд недовольный, печальный.

– Злопамятная старая мышь решила не отпускать тебя, мой дорогой ученик. Собирай манатки и вали, дети выведут тебя из города. Мэйкун – суровое место, но поверь на слово – такой, как ты, там точно без дела не останется!

Коль сказали бежать – надо бежать. Быстро собираю вещи, попутно спрашивая:

– А что случилось?

– Кроси ведь тоже из Утенбурга. Кажется, он посчитал, что ты нанёс вред его репутации или выставил в плохом свете

перед соседями. Потому послал за громилой Шмелём. Если не свалишь, он сломает тебе все кости и скормит свиньям. – Взволнованно проговорила женщина. – Корзинка, забирай с собой…

– Оставь. – Я не взял её. – Накорми ребят за мой счёт, в благодарность.

Только я произнёс это, детишки переглянулись. Девчонка, вставив в рот два пальца, свистнула – и тут же показалась целая орава мелких, грязных ребятишек.

– Задержите Шмеля! – Словно мелкий главарь, отдаёт она команду, а после, прихватив меня за руку, тянет вдоль по улице.

– Спасибо, Сандра! – Крикнул я на прощание.

– Тебе спасибо. – Улыбнувшись на прощание, кинула короткий взгляд на спираль и корзинку черноволосая. – Береги себя, Джони!

Глава 4

Дорога до Мэйкуна оказалась длиннее, чем я рассчитывал. Несколько дней по соседним сёлам бегал от Шмеля. Настырный оказался гад, от встречи и расправы спасло чудо. В одной из деревень, где тот таки сумел меня выследить и подстеречь, нашлась пара добрых людей, вовремя предостерегших о готовящейся ловушке. Вышибал из Утенбурга мало кто любил, собственно это и спасло. Улепетывая лесами и перелесками, ненароком сбился с тропы и заблудился в лесу. Ох, ну и попанервичал я, думал, комары живьём сожрут. Но и тут повезло. Через неделю скитаний случайно набрёл на охотничьи угодья одного барона средней руки. За пару артефактов тот причислил меня в почётные гости, позволил отмыться в его бане, а после усадил рядом с собой за стол, дав возможность познакомиться с новой частью моего будущего приключения. Группа странствующих, вольных актёров проходила через его земли. Их визит, музыка, танцы и истории, что те с собой привезли, с лихвой разбавили яркими красками мрак последних пережитых недель.

Хорошие шоу, интересные спектакли, фольклор, с которым я не знаком, стали продолжением моего путешествия в сторону Мэйкуна. Талантливые гуляки обладали потрясающей способностью собирать вокруг себя толпу, в которой и моей скромности, моим поделкам нашлось человеческое

внимание. Походные горелки, на которых я готовил знаменитую яичницу в капустном листе, разлетались как горячие пирожки. С ними, в городах я продавал идею об уличной торговле, о чудо-изобретении без дыма, запаха и копоти, на котором даже посреди города можно делать деньги – так простая камфорка для готовки превратилась в целый бизнес-план, идею, которую в своё время озвучила вслух Сандра.

– Тяжкие дни наступают для таверн! – За монету малую серебряную, во всю глотку голосил певец из бродячих актёров. – Скоро, везде и повсюду, благодаря чудо-походным плитам расцветёт уличная готовка, которую всего за четыре медные вы можете попробовать прямо сейчас! Только сегодня, только сейчас, знаменитый на весь мир чудо-омлет в капустном листе от шеф-повара и мастера артефактора великого Джони!

Краснея и сгорая от стыда, от стоянки до стоянки я быстро заполнял свой кошелёк монетами. После очередного городка мне даже пришлось менять, а после и избавляться от тяжёлых медных монет. Приключение с вольными актёрами запомнилось как светлая полоса, за которой неотвратимо надвигалась чёрная. До Мэйкуна оставалось всего ничего, как из-за женщины, танцовщицы, случился раскол в их дружном коллективе. Со слов других участников группы, такое встречалось сплошь и рядом. Момент расставания оказался тяжким: те ребята, к которым я пропитался личными симпати-

ями, отказались продолжать следовать в Мэйкун. Места вокруг города кишмя кишели бандитами, разбойниками, а сам город, хоть и считался вторым по размерам на континенте, из себя представлял одну огромную деревню, собравшую в себе негодяев со всего света.

– Сдались тебе эти артефакты, давай с нами: пить и кутить, пока ноги несут, пока горло поёт и душа ещё способна радоваться! – Звал меня за собой Нолан. В какой-то степени такой образ, жизнь в окружении волшебства, таинств, историй, музыки и вечной пляски казалась идеальной. Но что потом, когда голос охрипнет, когда ноги перестанут держать, а глаза видеть? Кому я тогда буду такой нужен? Нолан горел молодостью, требуя от жизни всё и сейчас. Мне же хотелось остепениться, осесть в своём домике, заняться любимым ремеслом да, по возможности, обзавестись той, с кем я могу начами тешиться, не переживая за то, будем ли мы завтра ночевать под звёздами либо в придорожной конюшне. Путешествия – это весело, но жизнь в бесконечной дороге – это не моё.

Оставшись с группой, с теми, кто поступками своими, действиями вызывал у меня лёгкую неприязнь, продолжаю движение, преследуя собственную мечту. Ту самую, которую чуть не прервала очередная внезапная встреча. Дорожные бандиты свалились на нас как снег на голову. Сначала обстреляли стрелами, потом попробовали добить железом. Чудом уцелев в завязавшейся заварушке, в очередной раз для

себя решаю как можно скорее завязать с путешествиями и теми рисками, что в них таились.

Несмотря на все невзгоды и трудности, путешествие продолжалось. Я сидел на краю телеги, прислонившись спиной к тюку с товаром, смотрел по сторонам, вглядываясь в каждый кустик. Куртка стёганая, с металлическими пластинами на ней, оказалась очень жаркой и неудобной. Трофей шит не по мне – свободноват, рукава болтаются. Приходилось терпеть, ждать и надеяться, надеяться, что та встреча с бандитами станет последней на пути в Мэйкун.

Рядом, привалившись к борту, лежал раненый глава каравана, с которым наша труппа впоследствии объединилась – его голову обмотали тряпкой, которая давно пропиталась кровью и стала тёмно-бурой. Он тяжело дышал, хрипел, но был в сознании.

– Как ты, дружище? – спросил я, протягивая ему бурдюк с водой. – Пить хочешь?

– Хочу, – сипло ответил тот, с трудом приподнимаясь.

Я помог ему сделать глоток, а потом снова усадил поудобнее. Крепкий мужик лет сорока, с обветренным лицом и глубокими морщинами на щеках. Звали его Обрин. До нападения он виделся мне таким же весёлым, беззаботным говорунном, что и актёры. А теперь говорил медленно, лениво, словно с каждым словом его изо рта вытекала жизнь.

– Слушай, тебе б повязку сменить. – Говорю я, разгляды-

вая подсохшую ткань. Мужчина кивнул, и я подозвал Жасмин – ту самую танцовщицу, которой при помощи магии воды и ветра помог аккуратно обработать страшную рану. Зрелище не из приятных, дядька мучался, кричал – увы, этого требовали обстоятельства.

Прошло несколько часов, караван вынырнул из тёмного, гнетущего леса на просторные поля, за которыми наконец-то показались высокие серые стены. Люди вздохнули с облегчением, да и с моих плеч словно сотню килограмм сбросили.

– Спасибо, парень. – Говорит Обрин. – Если б не твоя помощь, если бы мы тогда не починили телегу… раненые б точно не добрались до города.

– Ерунда, – отвечаю я. – Если кого и стоит благодарить, так это вас с ребятами. Не оттолкни вы меня в сторону, уже б с землёй смешался.

Обрин усмехнулся, но тут же поморщился от боли.

– Молодой, ты ведь из Утенбурга? Доходили слухи, ты там с одним старым хрычом повздорил. – Глаз мой нервно дёрнулся.

– Слухи? – удивился я. – Как вы… у вас у торговцев что, есть какое-то своё радио или телепатия?

– Радио? Это артефакт? Такого не имею. – В настроении своём, став чуть бодрее и активнее, уточняет Обрин. – В караванах, в делах, торговле всё быстро разлетается, особенно когда кого-то ищут, – хрипло ответил он.

Я усмехнулся, прикрыв глаза на мгновение. Солнце припекало спину, пыль от передних повозок поднималась в воздух и лезла в горло, в глаза.

– Как тебе округа? – всё так же, с замотанными глазами, спросил торговец. Проморгавшись, ладонью прикрываю лицо от солнца, пересказывая то, что вижу.

Вокруг простирались поля – ветер играл на золотистых пшеничных просторах. Дорога, не слишком широкая, не слишком узкая, встречала нас аллеей из высаженных деревьев, что, петляя, спускались вниз по склону к небольшому деревянному мостику, с которого рыбачила молодёжь. Красиво: золотые цвета сменяются буйством зелени дозревающего урожая.

– Да-а-а… – мужчина улыбнулся. – Красив, как и осень, идущая в эти земли по нашим следам. – Звучало это очень поэтично. Глава каравана улыбался, да и выглядел в разы лучше, чем несколькими часами ранее.

– Я слышал, Мэйкун – особенный город, – сказал я, чтобы поддержать разговор. – Говорят, там зверолюды живут, мол их там очень много?

– Живут, – кивнул Обрин. – И не только они. Мэйкун – это неприступные ворота в земли востока. Сюда стекаются все, кто ищет убежища. Люди, зверолюди, эльфы, гномы, орки. Всех народов тут как сена в гумне по осени. Слышал от Жасмин, ты хочешь лавку открыть?

– Есть такое, – признался я. – Хочу посвятить себя созда-

нию артефактов. Как вам моя плита, удобно ведь?

– Не то слово, – усмехнулся Обрин. – Мои ребята каждый день на ней готовят. Без дыма, хотя до твоей готовки им ещё расти и расти. Может, магию какую используешь?

– Да будет вам. – Смеюсь и отмахиваюсь от столь откровенной лести.

– А что, вот тебе идея: плита есть, придумай какую магию, чтобы в походе еда подольше хранилась. Для военного каравана, да и для любого другого путника подобная вещь на вес золота. – Я молчу, киваю. Не стоит ему знать, что работы по созданию походного холодильника уже ведутся. – Только вот, – он понизил голос, – осторожным тебе надо быть, парень. Мэйкун – не город для простых человеческих мечтателей. Здесь правят звериные законы. Говорят, местный герцог – получеловек, с кровью зверя внутри. Воинственный, грубый и глупый. Воюет со всеми подряд, всюду сунет свой нос, управляет кулаком и совершенно забывает смотреть на то, что у него под носом.

– Это вы о чём? – насторожился я.

– Дезертиры, бандиты, – махнул рукой Обрин. – Сам видел. Их тут, как блох на дворовом коте. Герцог вечно со всеми воюет – с соседями, с кочевниками, с кем угодно. А внутри города – бардак. Воры, убийцы, артефакторы-рабовладельцы и рабы. Да-да, не удивляйся, – он посмотрел на меня с серьёзным лицом. – В Мэйкуне артефактор без покровительства – это просто товар. Тебя могут схватить, за-

ковать и заставить работать на кого-то до самой смерти. Хорошо, если просто на кого-то. А если на тёмного мага, который душу высасывает?

Я попытался усмехнуться, но внутри похолодело.

– В Утенбурге мне один старик сказал, что здесь меня встретят с распростёртыми объятиями.

– В Мэйкуне встретят всех, – хрипло сказал Обрин. – Но не факт, что с распростёртыми объятиями. Говорю тебе как человек, который бывал здесь не раз. Не лезь в Золотые круги.

– Золотые круги? – переспросил я.

– Элитные кварталы, – пояснил торговец. – Там живут богачи, маги, артефакторы высшего уровня, советники герцога. Там очень опасно. Гораздо опаснее, чем в трущобах. В трущобах тебя просто убьют и оберут. А там… – он сделал паузу, – там тебя сначала используют, потом убьют. Там люди на повседневной основе носят маски. И если кто-то снял её перед тобой, то, скорее всего, ты уже проиграл.

– Звучит зловеще, – сказал я, стараясь сохранить спокойствие.

– Так и есть, – ответил Обрин. – Ты хороший парень. Мне понравилась твоя плита, понравилось, как ты держишься в отряде, как не сидишь сложа руки и не ноешь почём зря. Ты хороший человек, Джони, и я боюсь, именно эта черта тебя и погубит. В Мэйкуне недостаточно быть просто хорошим человеком, понимаешь?

Я кивнул.

– С волками жить – по-волчьи выть? – спросил я, и Обрин тут же выплюнул:

– В точку.

Внутри нарастала тревога. Вспомнился Утенбург – грязный, опасный, со своим контингентом в подворотнях и стражниками-алкоголиками у ворот. Неужели может быть хуже?

– Получается, здесь опаснее, чем в Утенбурге? – спросил я с иронией в голосе. – Хотя сомневаюсь, там-то я уже успел накосячить, а здесь всё с чистого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.